

Литературные
памятники
в иллюстрациях

Мигель де Сервантес

ДОН КИХОТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
С32

Сервантес, Мигель де.

С32 Дон Кихот / Мигель де Сервантес; [пер. с испанского М. В. Ватсон]; иллюстрации Гюстава Доре. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 192 с. — (Литературные памятники в иллюстрациях. Подарочное).

ISBN 978-5-17-161068-5

«Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» — роман испанского писателя Мигеля де Сервантеса, в котором нашлось место приключениям и философским размышлениям, иронии и мечтам о героической жизни и любви.

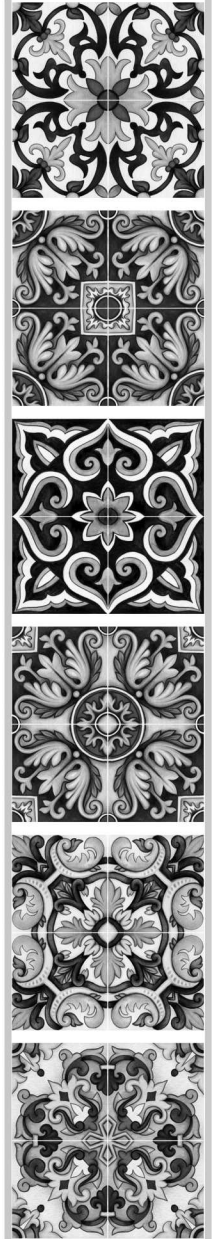
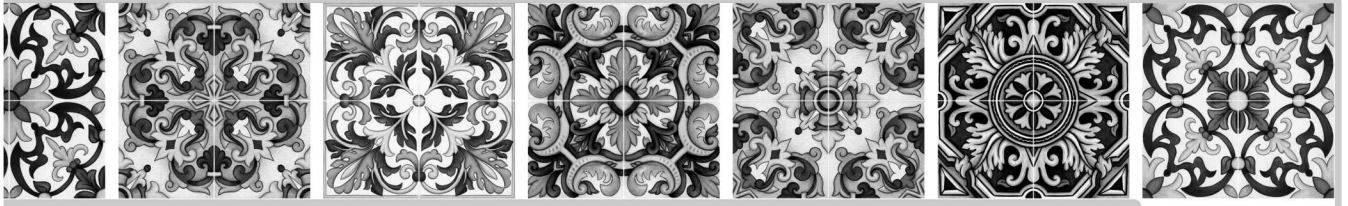
В книге собраны самые яркие отрывки о путешествиях Дон Кихота, который, вооружившись своей выдумкой и доблестью, решает отправиться в мир, чтобы стать рыцарем и совершить героические подвиги.

Каждый фрагмент сопровождается гравюрами французского художника XIX века Гюстава Доре. Его иллюстрации переносят на поля сражений, в замки и пещеры, где Дон Кихот и его верный спутник Санчо Панса переживают свои неповторимые приключения.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

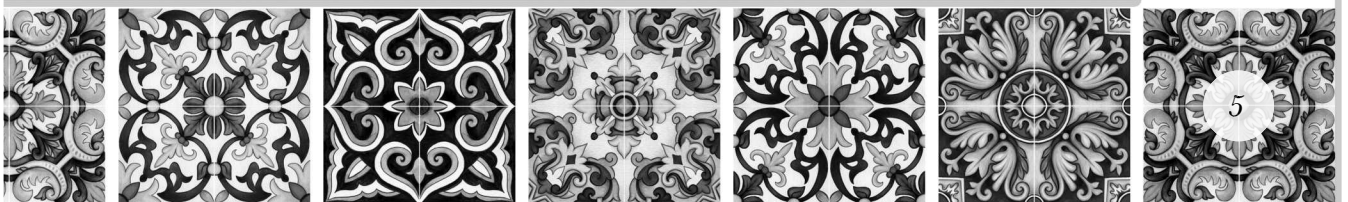
ISBN 978-5-17-161068-5

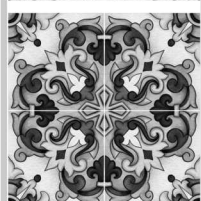
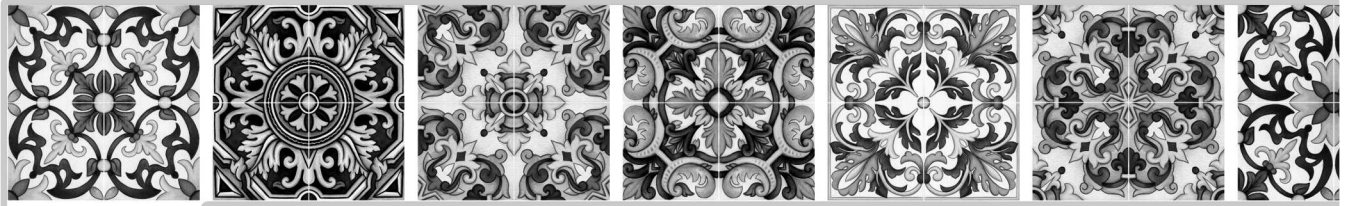
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Воображение его наполнилось всем тем,
что он читал в своих книгах.*

Том 1, глава 1

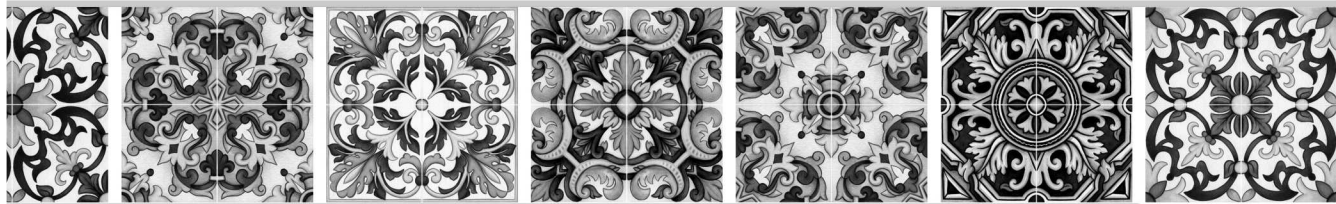

Словом, наш идальго до того погрузился весь в чтение, что проводил над книгами дни и ночи напролет, и, таким образом, от малого сна и непрерывного чтения мозг его так высох, что он лишился рассудка. Воображение его наполнилось всем тем, что он читал в своих книгах: чародействами, ссорами, сражениями, вызовами на поединок, ранами, ухаживаниями, любовными приключениями, ревностью и невозможными нелепостями. В его голове так крепко засела уверенность, что вся эта масса фантастических выдумок, которые он читал, — не что иное, как истина, что для него не существовало другой, более достоверной, истории в мире. Он говорил, что Сид Руи Диас, несомненно, храбрый рыцарь, но что его нельзя даже сравнить с рыцарем Пылающего Меча, который одним взмахом положил на месте двух дерзких и чудовищных великанов; Бернардо дель Карпио нравился ему несколько больше, потому что он в Ронсевале убил очарованного Роланда, прибегнув к уловке Геркулеса, когда тот задушил в своих объятиях Антея, сына Земли. Он отзывался очень хорошо о великане Моргайте, так как, происходя из поколения гигантов, которые все заносчивы и невежливы, он один был приветлив и благовоспитан. Но больше всех нравился ему Рейнальдос де Монтальбан, особенно когда он выезжал из своего замка и грабил все, что ему попадалось под руку, и когда он похитил за морем истукана Магомета, всего литого из золота, — как о том повествует его история. А если б он мог дать хорошую встрепку изменнику Галалону! За это он отдал бы и ключницу, которую держал, и даже свою племянницу в придачу.

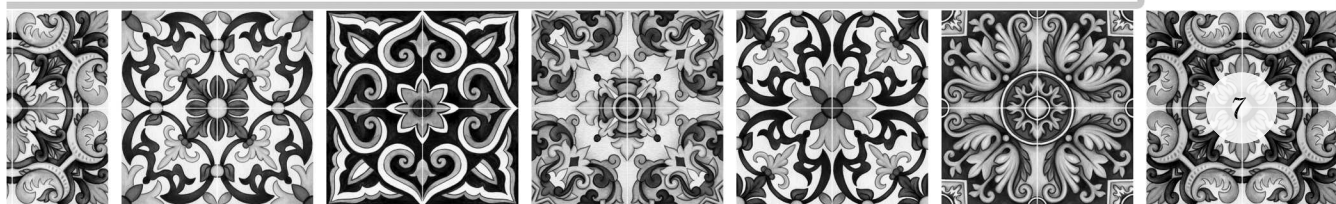
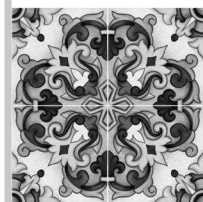
Наконец, когда рассудок его окончательно помрачился, ему пришла в голову самая изумительная мысль, никогда еще не осенявшая ни одного безумца в мире, а именно: он решил, что ему не только следует, а даже необходимо — как для собственной его славы, так и для благополучия государства — сделаться странствующим рыцарем и верхом на коне в своих доспехах скитаться по свету в поисках при-

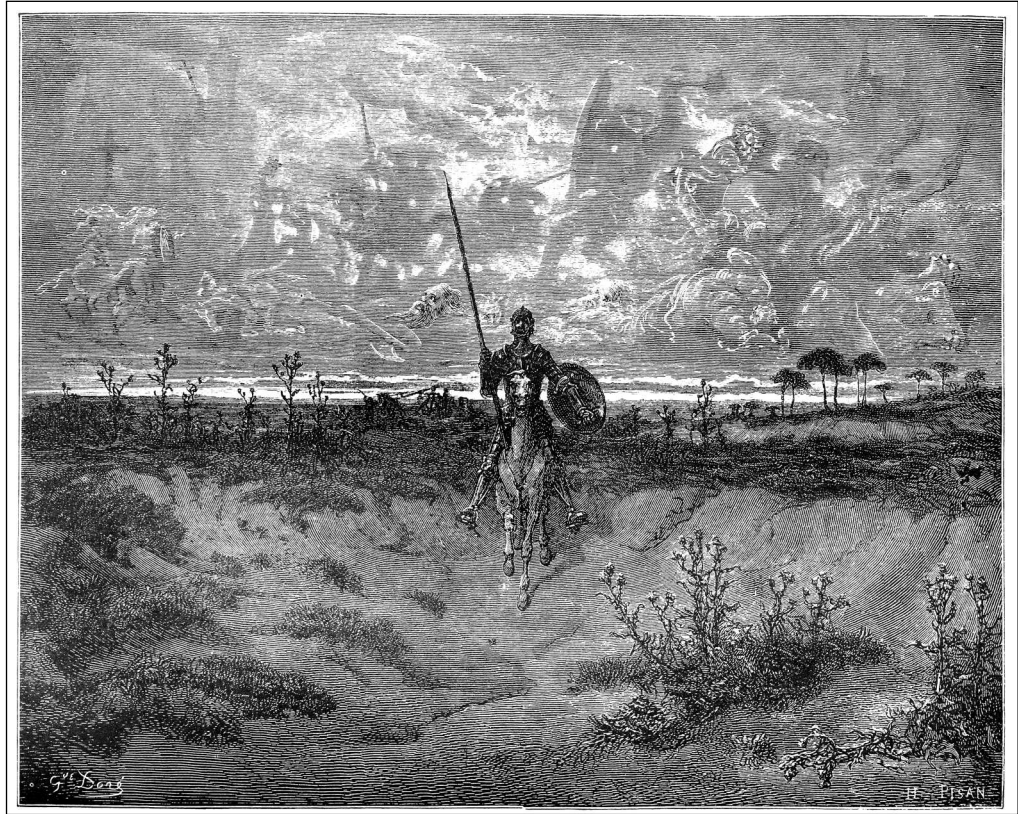
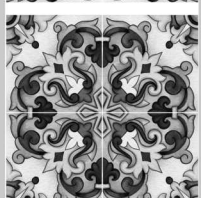
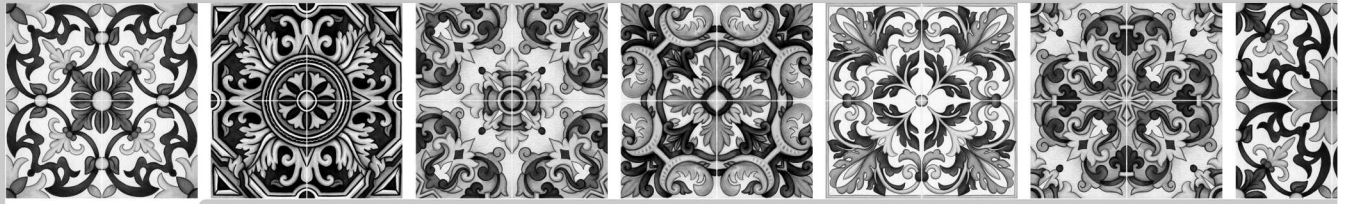

ключений, занимаясь тем, чем занимались, как он это читал, странствующие рыцари, возмещая за всякого рода обиды, идя навстречу всевозможным опасностям и случайностям, чтобы, преодолев их, покрыть свое имя неувядаемой славой. В воображении своем бедняга уже видел себя увенчанным, благодаря своей доблести, по меньшей мере короной Трапезундской империи. В чаду таких приятных грез, увлеченный необычайным удовольствием, которое они ему доставляли, он решил поскорее осуществить то, к чему он так стремился.

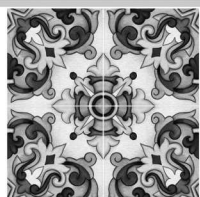
Прежде всего он приступил к чистке доспехов, которые принадлежали еще его прапрадедам и, изъеденные ржавчиной и плесенью, целые века оставались позабытыми и брошенными где-то в углу. Он вычистил и выпрямил их как мог лучше, но заметил следующий большой недостаток: шлем был неполный, недоставало забрала и нижней части шлема, — это был простой шишак. Однако изобретательный ум его сумел помочь беде, и он из картона смастерил нечто вроде забрала, которое и прикрепил к шишаку так, что тот принял вид настоящего рыцарского шлема. Правда, с целью испытать прочность забрала и может ли он противостоять удару меча, он вынул свой меч, два раза ударил им по шлему и первым же ударом мгновенно уничтожил то, что он мастерил целую неделю. Не очень-то ему понравилась легкость, с которой он разнес вдребезги свое изделие, и, чтобы предохранить себя от той же опасности в будущем, он принялся делать новое забрало, прикрепив внутри его несколько железных полосок, и остался доволен его прочностью. Не желая его вновь подвергать испытанию, он решил, что оно вполне пригодно, и считал его прекраснейшим забралом.

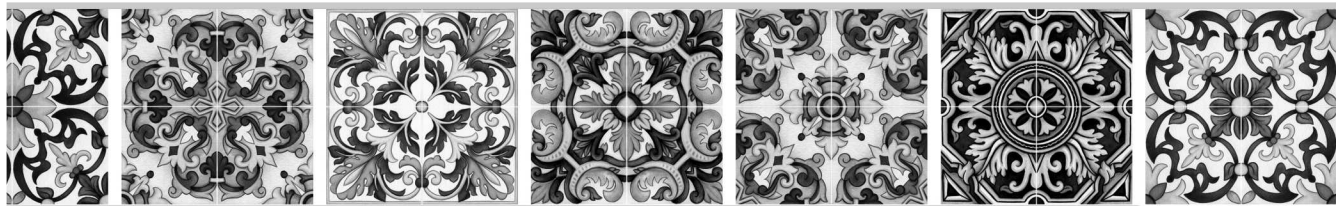

*Продолжая путь свой,
наш свежеспеченный искатель приключений
стал рассуждать сам с собою...*

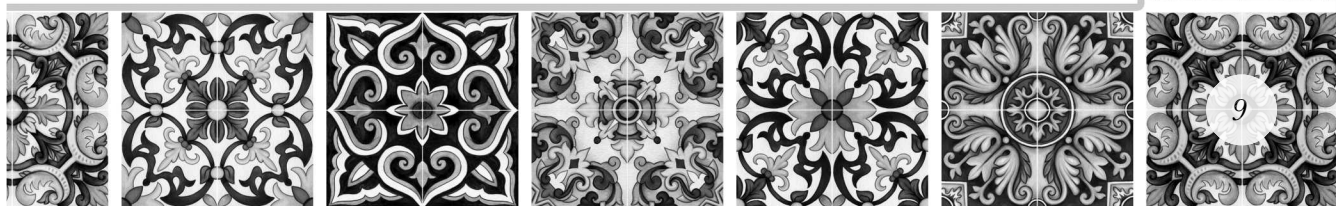
Том 1, глава 2

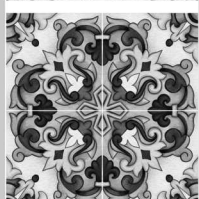
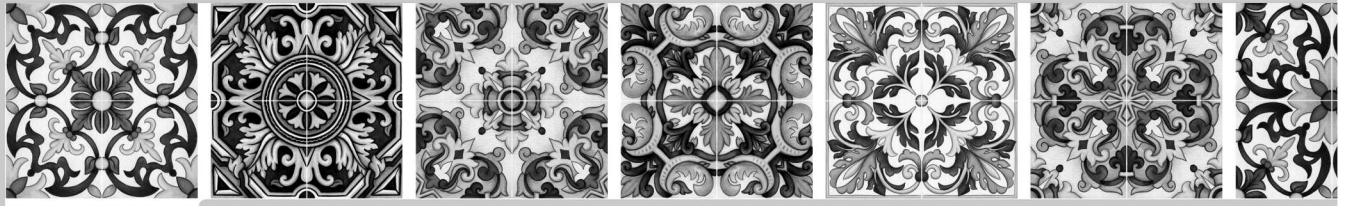

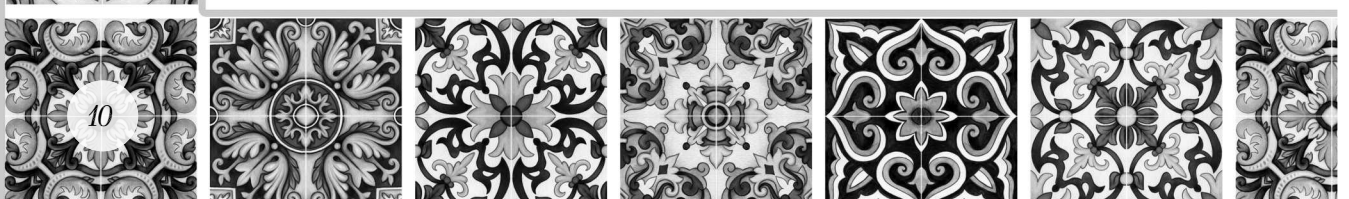
Окончив эти приготовления, наш идальго решил тотчас же привести в исполнение задуманное им, так как его угнетала мысль, что промедление даст себя чувствовать миру, приняв в расчет все те обиды, которые он думал уничтожить, несправедливости — исправить, злоупотребления — искоренить, ошибки — загладить и долги — уплатить. Не сообщив никому о своем намерении и так, чтобы никто его не видел, однажды утром, еще до рассвета (так как это был один из самых жарких июльских дней), он надел все свои доспехи, сел верхом на Росинанта, опустил плохо прилаженное забрало, продел на руку щит, взял свое копье и выехал из задней калитки двора в поле, донельзя довольный и обрадованный тем, что ему так легко удалось положить начало доброму своему желанию. Но едва он очутился в поле, как у него мелькнула страшная мысль, и такая страшная, что она чуть было не заставила его отказаться от начатого дела, а именно: он вспомнил, что еще не был посвящен в рыцари и что по рыцарским законам он не может и не должен сражаться ни с кем из рыцарей. Допустив же, что он был бы посвящен в рыцари, ему, как новичку, следовало бы иметь лишь «белое» оружие, без девиза на щите, пока он не заслужит его собственными подвигами. Эти мысли заставили его поколебаться в своем намерении, но так как его безумие было сильнее всяких других доводов, он решил просить первого, кто встретится ему, посвятить его в рыцари, в подражание многим другим, которые поступили таким же образом, как он это прочел в книгах, столь сильно завладевших им. Что же касается «белого» оружия, он решил, когда окажется время, так основательно вычистить свои доспехи, чтобы они стали белее горностая. Все это успокоило его, и он поехал дальше, предоставив лошади своей идти, куда она пожелает, думая, что в этом и состоит вся тайна приключений.

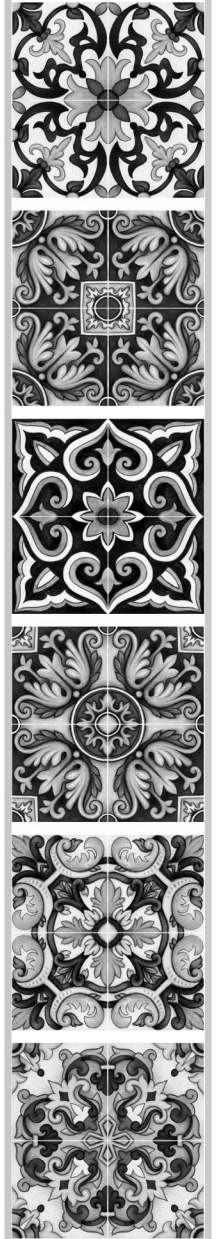
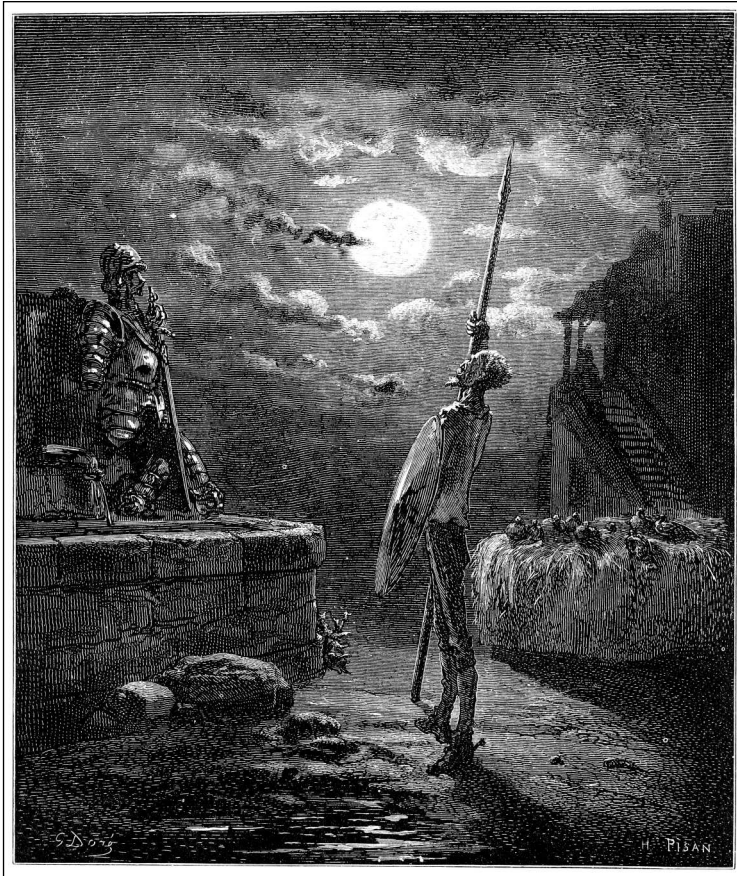
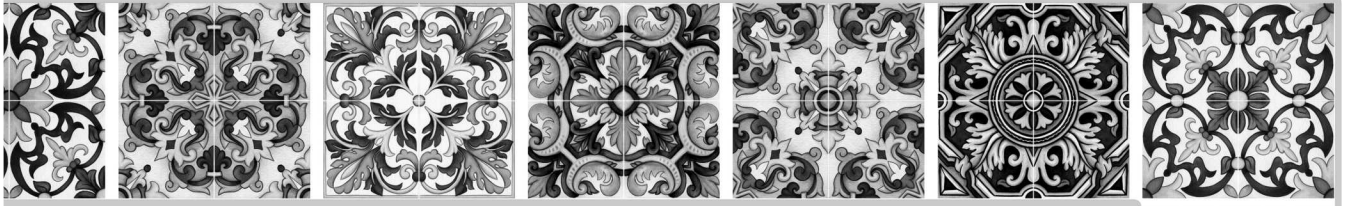
Продолжая путь свой, наш свежее испеченный искатель приключений стал рассуждать сам с собою, говоря: «Нет сомнения, что

в будущие века, когда правдивая история славных моих подвигов явится в свет, мудрец, который ее напишет, повествуя о первом моем выезде на рассвете дня начнет свое описание следующими словами: “Едва румяный Аполлон разбросал по лицу великой и обширной земли золотые нити прекрасных своих волос, едва маленькие пестрые птички с зубчатыми язычками приветствовали сладкой и нежной мелодией появление розовой Авроры, которая, покинув мягкое ложе ревнивого супруга, выглянула из всех дверей и балконов ламанчского горизонта и появилась перед очами смертных, знаменитый рыцарь Дон Кихот Ламанчский, оставив праздные свои пуховики, сел верхом на славного коня Росинанта и поехал по старинной, всем хорошо известной Монтиельской долине”» (и в самом деле он ехал по этой долине). И он продолжал, говоря: «Счастливое время и счастливый тот век, когда появятся в свет славные подвиги мои, заслуживающие, чтобы их, на память потомству, увековечили в бронзе, в мраморе и в живописи! О ты, мудрый чародей, кто бы ты ни был, которому суждено будет стать летописцем необычайной этой истории, прошу тебя, не забудь моего доброго Росинанта, вечного моего товарища во всех моих дорогах и путях». Тотчас за тем он добавил, как будто он в самом деле был влюблен: «О принцесса Дульсинея, владычица этого плененного вами сердца! Как сильно вы меня обидели, отослав со строгим приказанием не являться перед вашими светлыми очами. Сеньора, удостоьте вспомнить о беззаветно преданном вам сердце, которое из любви к вам терпит столько мук».

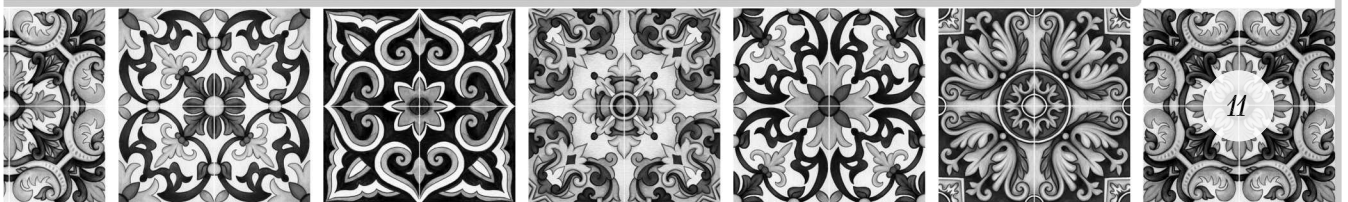

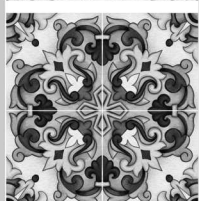
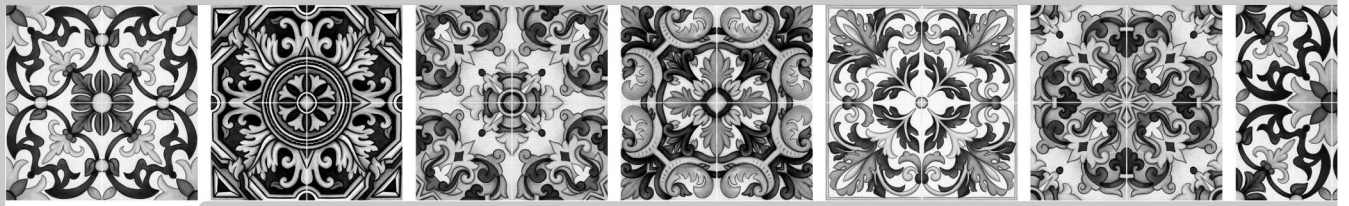

— ● —

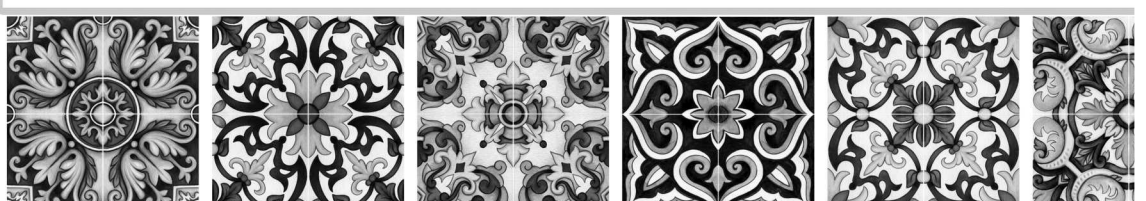
*... Он остановился, опираясь на копье,
и, устремив глаза на оружие,
долгое время не отрывал их от него.*

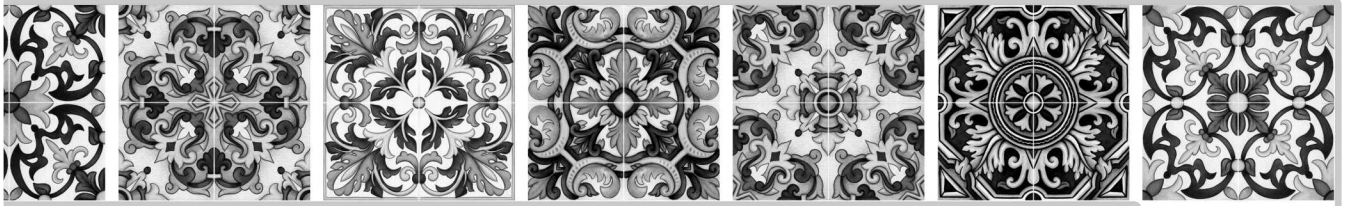
Том 1, глава 3

Хозяин спросил, имеет ли он при себе деньги. Дон Кихот ответил, что не имеет ни гроша, так как он нигде во всех историях о странствующих рыцарях не читал, чтобы кто-нибудь из них держал при себе деньги. Хозяин возразил ему, что он ошибается. Допустив даже, что в рыцарских историях ничего не упомянуто о деньгах по той простой причине, что авторам этих историй казалось излишним писать о такой самой по себе ясной и необходимой вещи, как деньги и чистое белье, — из этого не следует делать вывод, будто рыцари не были снабжены и тем, и другим. Итак, пусть он считает достоверным и бесспорным, что все странствующие рыцари (о которых говорит и свидетельствует такое множество книг) носили при себе туго набитые кошельки для непредвиденных случайностей, а также чистые рубашки и коробочки с мазью, чтобы лечить полученные ими раны. Не всегда же в тех долинах и пустынях, где они сражались и где им наносили раны, находился у них под рукой кто-нибудь, кто мог бы их лечить; разве только у них был друг, какой-нибудь мудрый волшебник, который тотчас же оказывал им помощь, послав на облаке молодую девушку или карлика со склянкой, наполненной такой целебной водой, что стоило лишь проглотить несколько капель, и мгновенно заживали все язвы и раны, как будто никогда ничего и не было. Но не имея такого покровителя, прежние странствующие рыцари считали необходимостью, чтобы их оруженосцы были снабжены деньгами и другими полезными вещами, как, например, корпия и мазь для лечения ран. А когда случалось, что рыцари не имели оруженосцев (это бывало очень редко), они сами возили все нужное в небольших, почти незаметных сумочках, прикрепленных сзади к седлу и имевших вид чего-то другого, более ценного, так как, за исключением подобных случаев, возить с собой сумки не очень-то было принято у странствующих рыцарей. Итак, он советует ему (хотя мог бы приказать, как своему крестнику, которым он так скоро

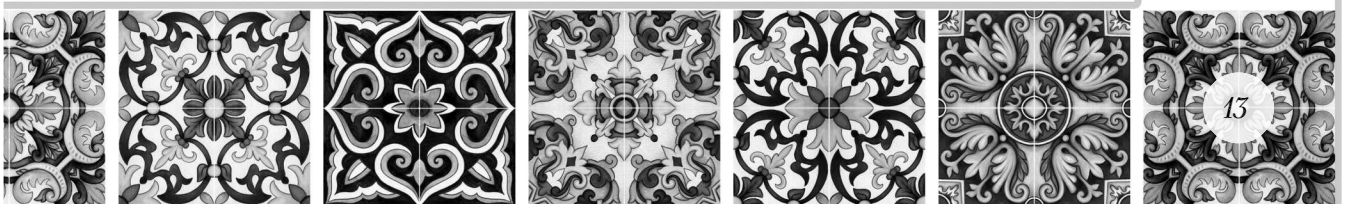
сделается) с этого дня впредь никогда больше не пускаться в путь, не имея при себе денег и всех вышеупомянутых запасов, и сам он увидит, как они пригодятся ему тогда, когда он менее всего будет думать об этом.

Дон Кихот обещал в точности исполнить данный ему совет, после чего сейчас же получил приказание держать стражу над оружием в большом дворе, примыкавшем к постоялому двору. Он собрал все свои доспехи, положил их на водопойное корыто, стоявшее близ колодца, и, продев на руку щит, взяв копье, с изящной осанкой принялся ходить взад и вперед перед колодой. Когда он начал свою прогулку, стало темнеть.

Хозяин рассказал всем бывшим на постоялом дворе о безумии постояльца, о его страже над оружием и посвящении в рыцари, которого он ожидал. Все были изумлены умопомешательством столь необычайного рода, отправились наблюдать за ним издали и увидели, что он со спокойной осанкой то пройдет взад и вперед, то остановится, опираясь на копье, и, устремив глаза на оружие, долгое время не отрывает их от него. Ночь окончательно спустилась на землю, но луна светила так ярко, что могла бы соперничать с той планетой, от которой она заимствует свой свет. Таким образом, все, что делал новый рыцарь, было хорошо видно всем.

Одному из погонщиков, ночевавших на постоялом дворе, понадобилось напоить своих мулов, и для этого приходилось снять с водопойной колоды лежавшее на ней оружие Дона Кихота, а он, увидав, что погонщик подходит, громким голосом сказал ему:

— О ты, кто бы ты ни был, дерзкий рыцарь, имеющий намерение прикоснуться к оружию храбрейшего странствующего рыцаря, который когда-либо опоясывался мечом, подумай о том, что делаешь, и не касайся оружия, если не хочешь заплатить жизнью за свою дерзость!

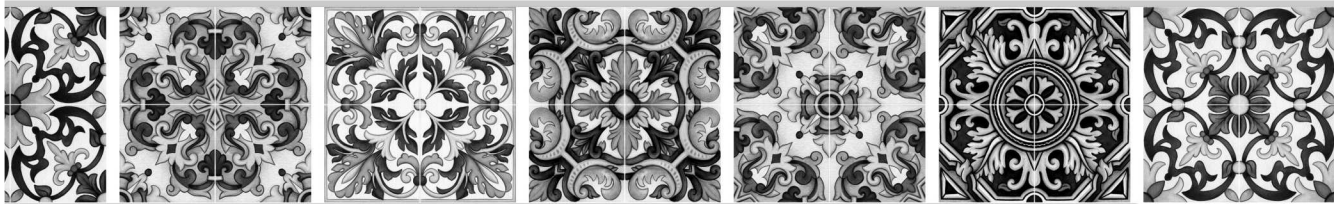

— ● —

*... Погонщик был так возбужден,
что не захотел бросить игру,
пока не истощится весь запас его гнева.*

Том 1, глава 4

— Остановитесь все, если вы все не признаете, что на целом свете нет более прекрасной девушки, как императрица Ламанчи, несравненная Дульсинья Тобосская!

Купцы остановились, услышав эти слова и увидав странную фигуру того, кто их произносил. И по фигуре, и по сказанному ею они тотчас же смекнули, что имеют дело с сумасшедшим. Но им хотелось точнее узнать, в чем же состоит признание, которое от них требуют, и поэтому один из купцов, большой шутник и человек остроумный, сказал Дон Кихоту:

— Господин рыцарь, мы не знаем той почтенной сеньоры, о которой вы изволили говорить; покажите нам ее, и, если она действительно так прекрасна, как вы утверждаете, мы по доброй воле и без всякого принуждения признаем истину, которую вы требуете от нас.

— Если бы я показал ее вам, — возразил Дон Кихот, — в чем была бы заслуга, что вы признали бы столь неопровержимую истину? Суть дела в том, чтобы, не видя ее, вы поверили, признали, подтвердили, клялись и стояли за это. А если нет, сражайтесь со мной, чудовищные и надменные люди! Выйдете ли вы на бой поодиночке, как этого требует рыцарский устав, или же все вместе, по обычаю и дурной привычке людей вашего сорта, — здесь я стою и жду вас, зная, что справедливость на моей стороне.

— Сеньор рыцарь, — ответил купец, — умоляю вашу милость от имени всех этих принцев, которые тут перед вами, чтобы не отягощать нашу совесть признанием того, чего мы никогда не видели и не слышали, тем более что признание это клонит к обиде и ущербу всех императриц и королев Альгаррии¹ и Эстремадуры, не будете ли вы столь добры, милость ваша, показать нам какой-нибудь портрет той сеньоры, хотя бы величиной с пшеничное зерно, потому что

¹ Округ в Новой Кастилии, на левом берегу Энареса.

